

Тун Хуайцин проснулся от мучительной жажды.

Раскалывалась голова, саднило горло, а стоило хоть немного шевельнуть пальцами, по ним расходилась колючая глухая дрожь.

Его укрывали небольшим темно-синим пледом. Рука покоилась поверх белого покрывала под капельницей: под прозрачную трубочку подложили стеклянную бутылку, кажется, с горячей водой, чтобы согреть поступающий раствор, а совсем рядом приютился потертый плюшевый кролик.

Глаза щипало. Хуайцин шмыгнул носом, и тут же из полумрака донесся сиплый, прокуренный голос:

— Проснулся?

И сразу следом:

— Пить хочешь? Или проголодался?

Чи Е сидел рядом на табурете. Он не брился целые сутки, и на подбородке пробилась темная щетина. Похоже, он только что выходил на улицу покурить — от одежды веяло осенней прохладой. Верхний свет не включали; на комод напротив едва теплился ночник, погружая комнату в полутьму, так что Хуайцин окончательно потерял счет времени.

В голове крутилась смутная мысль: кажется, накануне он наговорил лишнего...

В минуты болезни и тоски возведенные душой плоти слишком легко рушатся.

Он подгрел к себе серого кролика и прижал к груди:

— Пить хочу.

Чи Е поднялся и налил воды. Фаянсовая кружка оказалась приятной и теплой, и жидкое тепло мягко сгладило сухую боль в пищеводе.

— Где мы?

— В клинике доктора Вана, — выдохнул Чи Е, засунув одну руку в карман. — Знаешь, сколько ты проспал?

Хуайцин молча уткнулся носом в кружку, над поверхностью которой блестели только его глаза.

Чи Е посмотрел на него, затем молча поднял два пальца:

— Двадцать три часа!

Даже не перевернулся ни разу — проспал как подкошенный.

А ведь Чи Е, боясь, что тот не сможет уснуть на чужом месте, специально захватил с собой этого обшарпанного кролика, когда тащил его к врачу.

Эта маленькая каморка находилась в самом дальнем углу клиники, её обустроили специально для лежачих больных. Здесь царила тишина: какой бы шум ни стоял снаружи, сюда долетало лишь смутное шуршание, похожее на белый шум, под который удивительно сладко спится.

Тун Хуайцин смущенно пробормотал:

— Я...

— Лихорадило под тридцать девять с лишним, — Чи Е подлил воды в кружку. — Твоему хилому телу не помешало бы подкачаться, а?

Здоровый мужик, а разваливается на части. Как он с такой комплекцией жениться-то собрался?

Хуайцин не решался поднять глаза:

— Не надо больше, я не выпью.

Чи Е фыркнул и надрезал пакетик с растворимым лекарством:

— А придется. Медикаменты сами себя не примут.

Маленький доктор Ван ушел отводить дочку в детский сад и перед уходом опустил роллеты наполовину, наказав давать больному лекарство, как только тот очнется. Чи Е тогда как раз проснулся после короткой дремы, сладко потянулся и кивнул — мол, сделаю.

Желтоватые гранулы растворились в кипятке. Чи Е привычно размешал смесь ложкой, проверил температуру и протянул кружку. Хуайцин на сей раз капризничать не стал, послушно взял посуду, но, сделав всего глоток, скривился:

— Горькое!

Чи Е отнесся к этому спокойно: лекарства сладкими не бывают.

— Сахару подсыпать?

— Тогда станет совсем тошнотворно, — Хуайцин замялся и, зажмурившись, понюхал микстуру:

— Она еще и кислит. Дрянь редкая.

Чи Е едва сдержал смешок. Когда Чи Ино в детстве прописывали горькие травяные отвары, она сначала лизала сахарок, а потом, зажав нос, глушила все залпом. Главное в этом деле — не делать паузу: чем больше тянешь, тем сильнее тошнит.

Как и следовало ожидать, Хуайцин уже зажал рот ладонью:

— Не могу это пить.

Чи Е присел на край узкой, метровой койки — вдвоем на ней было тесновато. Забирать кружку он не стал, лишь пригнулся, сделал глоток прямо из рук Хуайцина и спокойно выпрямился:

— Нормальный вкус. Ты не раздумывай, залей в себя разом, и все.

Хуайцин продолжал закрывать рот рукой.

Сравнил тоже. У этого мужика вкусовые рецепторы вообще атрофированы.

— Вчера кто-то хвастался, что умеет стойко переносить любые лишения? — протянул Чи Е, передразнивая: — «Ты вечно жалуешься, что я изнеженный...»

Не дав ему договорить, Хуайцин с каменным лицом запрокинул голову и в один глоток осушил кружку.

Губы судорожно сжались.

— Бе-е...

Чи Е хохотнул, открутил крышку бутылки с минералкой и вложил её в ладонь больного:

— На, прополощи.

Прохладная вода не смогла полностью смыть въедливую горечь, и утонченное, похожее на сердечко личико Хуайцина опять скривилось. Чи Е долго пошарил по карманам, но конфеты не

нащупал и поднялся:

— Пожди секунду.

Хуайцин впервые за долгое время почувствовал неловкость:

— Да не стоит... Специально идти покупать...

Не прошло и полуминуты, как Чи Е снова толкнул дверь. В руке он держал блистер с пастилками «Арбузный мороз», на котором уже была содрана фольга:

— Держи, они сладкие.

Тун Хуайцин на мгновение замер, затем взял таблетку и отправил в рот.

По крайней мере, это сбило тошнотворный кислый привкус.

Лекарство медленно таяло на языке; вкус казался специфическим, зато в горле заметно полегчало. Чи Е подождал, пока тот допьет остатки воды из кружки, и выразительно постучал пальцем по тумбочке.

В полумраке Хуайцин пошарил рукой по поверхности и наткнулся на леденец из черного сахара с сушеной сливой.

Чи Е сегодня совсем потерял стыд — стянул сладость из стола доктора Вана.

Хуайцин задумчиво перебирал пальцами зубчатый край пластиковой обертки:

— Когда ты успел?

— Только что, — Чи Е уселся обратно на табурет и скрестил руки на груди. — Вместе с пастилками стянул.

Тихий хитрец: припас самый вкусный козырь напоследок.

Левая рука оставалась под капельницей, поэтому Хуайцин надкусил уголок обертки зубами. Плотный, насыщенный кисло-сладкий аромат мгновенно заполнил рот. Он зажал пустой фантик в пальцах и, опустив длинные ресницы, стал тихонько потирать его, слушая едва слышное шуршание.

Внезапно он понял, что не знает, с чего начать разговор.

Тяжелой джинсовой куртки, которой его укутывали вчера, не было — поверх одеяла лежало лишь мягкое хлопковое покрывало. Свет ночника растекался по комнате жидким медом, на подоконнике свешивал густые плети хлорофитум. Клинику обустроили в обычном жилом доме, здесь не разило въедливой больничной хлоркой, и от этого в камере было удивительно уютно и тепло.

Лишь Чи Е, сидевший напротив, совершенно не вписывался в эту идиллию.

Очерченный подбородок покрывала темная щетина, бросавшая жесткую тень на нижнюю часть лица. Густые брови, тяжелый, диковатый взгляд. На нем была лишь черная футболка с коротким рукавом, и когда он скрещивал руки на груди, под тканью рельефно проступали литые мышцы — крепкие и монолитные, словно глухая стена.

За щекой у Хуайцина бугрился леденец.

Снаружи со скрежетом подскочили голубоватые роллеты — доктор Ван вернулся и прошел в приемную. Похоже, у входа его уже ждали пациенты: из коридора донеслись частые, надрывные покашливания.

Раствор в капельнице подходил к концу. Хуайцин поднял взгляд: на дне стеклянного флакона оставалась лишь тонкая полоска жидкости.

Чи Е, не меняя позы, вдруг спросил:

— Ну что, выпался?

Хуайцина снова охватило неясное чувство вины:

— Вроде да...

Еще бы — проспать почти сутки подряд!

Удивительно, но голова больше не раскалывалась.

В теле ощущалась приятная легкость.

— А у меня, глянь, какие синяки под глазами, — Чи Е вскинул брови. — Я за всю ночь глаз не сомкнул. Яньянь заходил, шумел тут, а тебе хоть бы хны — даже не шелохнулся.

Хуайцин хлопнул ресницами.

Никаких синяков он не заметил.

С таким смуглым лицом попробуй разгляди.

— Я тут до интернет-кафе сбегал, вбил твоё имя в поиск, — продолжал Чи Е. — А ты и правда пианист. Посмотрел пару роликов — красиво играешь, ничо не скажешь.

Жидкость во флаконе иссякла, и прозрачная струйка устремилась вниз по капельнице, быстро исчезая в дозаторе.

— Я в этих тонкостях не разбираюсь, — спокойно произнес Чи Е. — Но ты вчера обмолвился, будто больше играть не сможешь... Жаль. Реально жаль.

Хуайцин поджал губы.

— И что ты теперь делать думаешь? — Табурет был низковат, и Чи Е приходилось смотреть на Хуайцина снизу вверх. Однако даже в этой позе он напоминал затаившегося перед броском хищника — опасного, готового к действию.

Из-за бессонной ночи и сигарет его голос звучал сипло.

Но интонация... интонация неожиданно мягкая.

— Бедняжка.

Хуайцин с размаху раскусил жесткую конфету. Взрыв густой кислоты обжег язык, до судорог отозвавшись в уголках глаз.

Его пожалели.

Возможно, раньше он всегда казался окружающим недостижимым, или те просто были слишком осторожны. Но когда луна, которую они бережно держали на руках, рухнула вниз и оказалась вымазана в грязи... Кто осмелится утешать её? Кто выразит сочувствие? Со временем останутся лишь неловкие уговоры да скрытое раздражение наподобие «сам виноват в своих бедах».

— Пожалеть меня решил? — Хуайцин поспешно отвёл взгляд, но голос его прозвучал излишне резко. — Не суйся не в своё дело. У меня всё отлично.

Чи Е спокойно кивнул:

— Ну и лады.

Хуайцин едва слышно выдохнул: «А...»

Слова застряли в горле. Ему хотелось извиниться, сказать, что он не хотел грубить, что сам не представляет, как жить дальше... Сотни спутанных мыслей застыли в глубине глаз, оставив на душе едкий, тоскливый осадок.

А Чи Е, казалось, ничего этого даже не заметил.

Спустя три секунды он просто цапнул Хуайцина за руку, прижал пальцем место укола, ловким движением сорвал пластырь и мгновенно выдернул иглу, тут же воткнув ее обратно в резиновую пробку капельницы, чтобы с нее не капало.

Движение было выверено до автоматизма.

После чего Чи Е победоносно вскинул бровь:

— Гляди, ни капли мимо не пролилось!

Получается, слова Хуайцина пролетели мимо его ушей — мужик всё это время просто гипнотизировал капельницу!

В приемной постепенно собирался народ, доносился гул голосов. В каморке всё ещё стоял полумрак. Когда Хуайцин слег, Чи Е счел его неженкой и выпросил для него самую дальнюю комнату с плотными шторами, где в тишине и покое тот смог выспаться так, что даже кости затекли.

Но теперь пора было выметаться.

Жалюзи раздвинули. Хуайцин убрал ватку с тыльной стороны ладони, медленно оделся и поднялся с кровати. Не успел он сделать и пары шагов, как колени подкосились, а глаза больно обожгло ярким светом.

Он всё ещё оставался слабым и вялым.

Рука ноет, в животе пустота.

Даже крепкий сон не вернул ему бодрости.

Чи Е, глядя на него, почувствовал, как чешутся руки. Он привык чинить и восстанавливать вещи: из обычной жестяной банки мог за пару минут сообразить аккуратную модельку самолетика или парусник, а видя засохший цветок на обочине, искренне страдал. Приятели говорили, что у него талант доводить всё до ума. Именно поэтому, уехав из дома совсем молодым, он выехал не только на мускулах, но и на жилке предпринимателя. В свое время никто не верил в ту убыточную мастерскую, а он, не раздумывая, выкупил её — и дело сразу пошло в гору. Теперь бизнес работал сам, принося ему стабильные дивиденды.

Вот и сейчас он просто не мог удержаться.

Хуайцин спиной почувствовал тяжелый, пристальный взгляд.

Слишком беспардонный, наглый, прямой.

— Ты чего?

Чи Е облизнул губы, не сводя с него глаз.

Эта тонкая шея, узкая талия и хрупкое тело, которое чахнет от малейшего сквозняка...

Черт.

Как же хочется его раскормить.

Набить ему брюхо до отвала — не поверят же люди, что на таком мяса не нарастет.

Хуайцина от этого взгляда передернуло. Чувство вины за недавнюю грубость улетучилось без следа, уступив место желанию врезать собеседнику.

— Что такое? — Чи Е сощурился, моментально раскусив его порыв. — Опять подскочишь и попытаешься меня стукнуть?

Хуайцин замялся:

— Нет.

Просто вспыльчивый он, чуть что — сразу в бутылку.

— Я иногда сгоряча... делаю глупости. Не умею держать себя в руках.

«Еще бы», — подумал Чи Е, выталкивая дверь и выводя его на улицу. Хуайцин действительно был ужасно заводным: тронешь — и тут же вспыхнет, прямо как...

Вслух он этого, естественно, не сказал.

На улице яркое осеннее солнце заливало всё вокруг, в воздухе витал сладкий аромат османтуса.

Хуайцин недовольно смерил его взглядом:

— Ты чего лыбишься?

— Да так, — Чи Е уже перешагнул через порог, широкая улыбка расплылась по его лицу. — Думаю, что ты вылитый лягушонок.

<http://bllate.org/book/19966/1985873>